

Дюма в России — 135 лет назад и в наши дни

Альберт ПЛУТНИК, «Известия», 1999, 17.09.93, 7

«Вот так все и делается в России: никогда ничто не доводится до конца, не простирается за пределы абсолютной необходимости конкретного момента. Когда же нужда миновала, начатое дело бросается на полпути, на произвол судьбы — вместо того чтобы поддержать, довести до конца, пополнить, продолжить, завершить».

Из книги Александра Дюма «Путешествие по Кавказу» (1859 год).

17 сентября в Москве открылась Международная конференция «Дюма в России». Ее организует Российское общество друзей Александра Дюма (РОДАД), возникшее полтора года назад и ставящее своей целью пропаганду произведений и жизненных принципов писателя, рыцарства и порядочности, благородства и оптимизма.

Такая конференция проводится впервые. По срокам она совпадает со 135-летием посещения России автором знаменитых «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо».

Но, учитывая сегодняшние тиражи его книг, о чем речь впереди, «Дюма в России» — это не просто приезд великого французского писателя в 1859 году и его довольно длительное — более восьми месяцев — пребывание в ней, посещение Санкт-Петербурга и Валаама, Бородинского поля и волжских берегов, поездка в Астрахань, Калмыкию, Чечню, Дагестан, Азербайджан, Грузию. Это не просто отдаленный во времени эпизод из биографии Александра Дюма, но и весьма примечательный эпизод из жизни русского общества — и тех, и этих дней. Так что понять отношение к писателю, не убывающий, а нарастающий интерес к его книгам — значит луч-

ше понять наше общество, его проблемы, те в том числе, которые никак не станут прошлыми.

Под этим углом зрения и шла наша беседа с человеком, который сегодня, наверное, знает жизнь и книги Александра Дюма лучше всех в России, хотя он и отнюдь не профессиональный литературовед. Михаил Иванович Буянов, 54 лет, — врач-психиатр. Два десятилетия преподавал детскую и подростковую психиатрию в Центральном институте усовершенствования врачей. Был одним из первых практиков советской психиатрии, публично выступавших в официальной печати против использования психиатрии в политически целях. Сегодня он — президент Московской психотерапевтической академии. А еще — президент вышеупомянутого общества РОДАД. Его заслуги в изучении жизни и творчества Александра Дюма получили высшую оценку — Французское общество друзей писателя, существующее с начала этого века, избрало нашего соотечественника своим почетным членом. Он стал одним из двух иностранцев, удостоившихся такой чести. Второй — король Марокко Хасан II.

(Окончание на 7-й стр.)

повить за ним негласный надзор. Как Жюль Иностранец, да еще с сомнительной репутацией. Нет, у нас просто не могли оставить его без присмотра. Я обратился в архив Октябрьской революции, где должны были храниться интересные мои документы. И наконец в моих руках «Дело» Александра Дюма. Десять документов, на каждом из которых гриф «Секретно» или «Совершенно секретно», а на полях некоторых — «Доложено Его Величеству» с категорическим предписанием на обложке «Хранить навсегда». Действительно, как подтверждают документы, третьему отделению предписывалось «учредить надзор за французским водданным Александром Дюма».

вить. Но прежде я хотел бы услышать пояснение к вашим словам о «сомнительной репутации», которой якобы пользовался Дюма в России еще накануне его приезда сюда. Что вы имеете в виду? Дюма приехал в Россию в 56 лет. Он — мировая знаменитость, уже создавший многие свои шедевры. Естественно предположить, что его давно звали сюда, а когда он выкроил время, то встречали не менее пышно, чем сегодня встречают рок-звезду Майкла Джексона.

— Как раз все наоборот: не звали, не носили, а замалчивали его приезд или иронизировали. Дюма всегда кристально отзывался о любой деспотии, в том числе и о россий-

ские и политические проблемы... — Писал Дюма действительно потрясающе быстро и легко. Еще в марте 1848 года, кандидатом в депутаты Национального собрания, он представил отчет о своей предшествующей деятельности. В частности, сообщил, что написал 400 томов прозы и 35 пьес, что проза принесла ему доход в 11853600 франков, а пьесы дали 6360000 франков. После 1848 года Дюма прожил еще 22 года, написал множество новых произведений. Сколько всего? По моим подсчетам, повторю, минимум 456 произведений. Однако и эта цифра представляется далеко не полной. Если же собрать воедино всех его героев, то получится население довольно прилич-

ного городка: приблизительно 38 тысяч 750 человек.

— Но лично для меня самое поразительное: при такой плодотворности ему же удавалось создать и подлинные шедевры, способные выдержать любую конкуренцию. Чем сейчас забыты все книжные прилавки, какого рода литературой? Все запреты сняты, и производители книг, книгопродавцы, уверенные, что знают вкусы публики, тут же выбросили в продажу бесчисленное число бульварных романов, всякого рода сенсаций, написанных порой и весьма ловкими авторами. Но чьи книги, являя собой литературную классику, все же лидируют, к счастью, выдержав испытание рынком? Книжки Дюма. Случайно ли это? Или сказывается талант потрясающего рассказчика, в совершенстве владевшего даром занимательности, весьма редким даже среди очень признанных писателей.

— Надо сказать, что Франция и Россия находились в неравном положении. В 1789 году в Париже была взята Бастилия, потом к власти пришли якобинцы и устроили свой 1937 год, только назывался он 1793-м. К счастью, якобинцев удалось свергнуть, кровопролитие было остановлено. Потом во Франции было много восстаний и войн, все это время общество преследовало страх перед бунтом черни, который всегда неминуемо заканчивается террором и приходом к власти куда более отвратительных деспотов, хамов и бюрократов, нежели свергнутые... Фран-

цузы, во всяком случае интеллигенция и средние классы понимали, что до бунта доводить народ нельзя, нужно и ему дать жить прилично, не связывая его по рукам и ногам. Поэтому свобода и культуры было на Западе куда больше, чем в России, в год посещения Дюма (дольше всех в Европе) еще сохранившей крепостное право.

Дюма никогда не восхищался террором, ему бы в голову не пришла мысль звать кого-то к топору. В якобинстве, как в символе самодовольной и безжалостной тираннии, он видел взрыв примитивных эмоций, которые страшны, но достойны и осмеяны. Герцен же возмущался, как это Дюма могло прийти в голову величественные события 1793 года превращать в пародию.

Невозможно представить, чтобы Дюма принялся прославлять обломовых и печоринных (при том, что именно благодаря ему был переведен на французский «Герой нашего времени») — лишние люди и герои Дюма взаимно исключают друг друга. Его персонажи — полная противоположность нытикам, фанатикам или бездельникам. Они полны активного, энергичного и доброго отношения к реальности, они не рабы обстоятельств, а динамичные и неутомимые преобразователи жизни. Пусть эти герои не блещут эрудицией и глубокой размышленностью, хотя все относительно, пусть не задают привычных для российского уха вопросов о смысле жизни, они — полнокровные, живые, честные, более понятные массовому читателю привлекательные люди, не теряющие времени на бесплодные теоретизирования и скулеж. Дюма умел превратить скучные реалии бытия в веселую и заманчивую игру, интересную всем и всегда — и в XIX веке, и в XX, в ту игру, где неизменно побеждают удача и отвага. Он населил нашу планету персонажами, и сегодня скрашивающими жизнь людей.

Прошли многие десятилетия. Не только кровожадных вождей якобинского террора мы презираем и высмеиваем, но даже о вождах российского революционного террора отзываемся с безразличностью. В Санкт-Петербурге же образца 1858 года подбодные мысли казались и прогрессивным деятелям неопишимо легкомыслием. Дюма смотрел на проблемы России как бы из ее будущего, а это не понималось и не нравилось многим его русским современникам. Но не Дюма же виноват в том, что уже в то время многим в России надоели свои литераторы, донельзя желчные, писавшие все больше о том, кто виноват или кто делать, но считавшие ниже своего достоинства прославлять красоту жизни, активность людей, их благородство, предприимчивость, смелость, де-

ловитость. Но Дюма не виноват в том, что читатели его больше любили.

— Выходит, и лучшим представителем российской интеллигенции не всегда доставало терпимости и великодушия, чтобы по достоинству оценить ту или иную фигуру, «не себе подобную»? Стало быть, у нас это криво, это дурная наследственность? Ведь и сегодня интеллигенция поражена однобокостью суждений, предвзятостью толкований.

— Читая книги Дюма об удивленной им России, на каждой странице удивляешься актуальности затрагиваемых тем, несгорающей точности наблюдений. Скажем, тема коррупции во всех эшелонах власти. Дюма и тогда поражаешься тому, что сегодня поражает не только иностранцев, приехавших в Россию, но, наконец-то, и нас самих, рядовых россиян, все еще верящих в то, что предпринимаемая попытка избавиться от тоталитаризма обернется успехом и демократия исправит нас, вернет нам честь и достоинство.

Дюма видел, что начальство в России казнокрадничает, грабит, обманывает. И очень обижается на тех, кто не позволяет ему этого делать. У начальства тут загибает он, особая психология, связанная с полученной должностью: каждый может воровать, но — каждому свое. В зависимости от положения. Это считается законом, в принципе не осуждается, поскольку в порядке вещей. Только вот если воруешь не по чину, беря сверх положенного, то тут могут быть неприятности. Но они редки. Всякую попытку сопротивляться воров начальство сурово пресекает и совершенно искренне недоумевает, как это простому человеку может прийти в голову избегать поборов. Одна из глав замечательной книги Дюма «Из Парижа в Астрахань», никогда, к сожалению, не издававшаяся на русском языке, называется «Воры и их жертвы». В ней приводится много примеров извращенной психологии российского чиновничества, психологии, к нынешнему времени не только не изжившей себя, но и многократно окрепшей.

К проблеме коррупции Дюма неоднократно возвращался и в других книгах о поездке по Российской империи. Особенно часто в «Путешествии на Кавказ». Вот где масштабы этого явления были просто фантастическими. По мнению Дюма, если бы собрать все серебро, потраченное в течение полвека на безуспешное строительство дороги от Тифлиса до Владикавказа, то можно было выместить всю ее ассигновками... Конечно, кое-что изменилось с тех пор, но кое-что, увы, осталось неизменным. Обо всем этом и о многом другом пойдет речь на открывающейся конференции.

К проблеме коррупции Дюма неоднократно возвращался и в других книгах о поездке по Российской империи. Особенно часто в «Путешествии на Кавказ». Вот где масштабы этого явления были просто фантастическими. По мнению Дюма, если бы собрать все серебро, потраченное в течение полвека на безуспешное строительство дороги от Тифлиса до Владикавказа, то можно было выместить всю ее ассигновками... Конечно, кое-что изменилось с тех пор, но кое-что, увы, осталось неизменным. Обо всем этом и о многом другом пойдет речь на открывающейся конференции.

Дюма в России

17.09.93

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Казалось бы, россиянам сейчас не до Дюма — столько проблем и забот. Говорят, люди у нас вообще-то не очень настроены в нынешнем положении читать художественную литературу. Ну а захотят, возьмут в руки скорее то, что более созвучно времени и настроению. А кругом только и слышишь, уже, правда, не так часто, как вчера, что наше общество политизировано сверх всякой меры. Тем удивительнее, что и вчера, и сегодня самые популярные телесериалы — аполитичные телесериалы, самые читаемые авторы — не те, кто, как говорится, «воссоздает мрачные картины народного бытия». Люди, конечно, им благодарны, но охотнее же читают Дюма.

— В этом нет сомнения. В 1990 году по числу изданий и по общему тиражу — 12 миллионов 200 тысяч экземпляров — Дюма вышел на первое место в СССР, оставив далеко позади всех других авторов. Он и в СНГ — самый издаваемый писатель. В прошлом году его книги по «выходу в народ» побили все мыслимые и немыслимые рекорды. Ежемесячно — ежемесячно! (такого в истории книгопечатания еще не было) — они публиковались тиражом более 3 миллионов экземпляров. А всего в 1992 году вышло более 47 миллионов. Сейчас издаются одновременно семь собраний его сочинений, одно — под моей редакцией.

— Экономика в развале, жизненный уровень падает, преступность растет... А люди сидят и читают Дюма? Загадка славянской души? Или в этом проявляется своего рода инстинкт самосохранения, тяга к душевному здоровью?

— Читают Дюма — и правильно делают. Это был рыцарь, интернационалист, слова плохого никогда не сказавший ни об одном народе в отличие, между прочим, от некоторых и самых великих классиков литературы. Это был ясно, свободно и спокойно мыслящий человек. Без болезненно обостренных реакций и рефлексий. Дружба между людьми, между народами и странами, благородство, здравый смысл, душевная чуткость, мужество, активная деятельность с опорой на собственные силы, отторжение бесплодной мечтательности — вот что важно в жизни и книгах Александра Дюма. Гоголевские слова о том, что нет уз святее товарищества, — это, надо сказать, девиз всего творчества Дюма. Чистота чувств, верность в любви и дружбе... Разве не об этом сегодня мыслит миллионов и миллионов людей? Именно на обломках бывшего Советского Союза, когда люди живут ожиданием чуда, когда многих поразила страсть к суверенизму и мистике, национализму, утрата здравого смысла, книги Дюма,

ДЮМА В РОССИИ — 135 ЛЕТ НАЗАД И В НАШИ ДНИ

альным тезисом о счастлимом детстве советских детей это никак не вяжется. Только в 1986 году, с началом перестройки, книга увидела свет под названием «Беседы о детской психиатрии». В процессе работы над этой книгой я впервые и стал проявлять интерес к Дюма. Один из героев «Бесед» — аббат Хосе Кустодио де Фарна (1756—1819). Меня удивило совпадение фамилии реального священнослужителя с литературным персонажем Дюма из романа «Граф Монте-Кристо». Оказалось, что персонаж Дюма и реальный человек имели очень много общего. Значит, Дюма обессмертил реального аббата. А к тому времени я, как и большинство советских людей, уже твердо знал, убежденный в этом нашими литераторами, что Дюма — сплошные сплетни и слухи. И мне пришлось в голову попятиться свернуть то, что пишет Дюма, в частности в обширных заметках о путешествии в Россию, да и в литературных произведениях, созданных на российском материале (а на этом материале написано 19 из 456 его крупных произведений), с реальными фактами и событиями, свидетелем и участником которых он был в месяцы российского «турне». Но вот вопрос — с чего начать, за что зацепиться, если все это было так давно и не осталось в живых ни одного свидетеля. Дополнить свидетельства все же нашлись — мне пришлось в голову, что сразу же по появлению такого человека в России III отделение должно было уста-

со дня его отъезда из Петербурга в Москву и далее на Кавказ — с 18 июля 1858 года.

Каким образом это делалось? Скажем, генерал-адъютант князь Барятинский докладывал в Санкт-Петербург, что по приезде Дюма в Тифлис будет назначен «для нахождения при нем в качестве переводчика и путеводителя благонадежный чиновник». На всем пути следования по России секретные агенты «вели» Дюма, подробнейшим образом донося в столицу о его встречах и разговорах, причем «сопровождение особого чиновника устраивалось весьма благоприятно под видом гостеприимства и оказываемого внимания». В результате длительных изысканий, многочисленных поездок в места пребывания Дюма, бесчисленных встреч с действительными предками тех людей, чьи имена упомянуты в донесениях, изучения истории этих городов и регионов я пришел к выводу, что этот величайший фантазер весьма бережно обходился с действительными фактами, оставаясь предельно точным в названиях, именах, биографических подробностях, когда речь шла о людях, с которыми он действительно встречался.

Стало быть, бытующее и тогда бытовавшее мнение о том, что ко всему, что говорит и пишет, следует подходить как к чему-то не вызывающему особого доверия, мягко говоря, не совсем верно. Между прочим, оно сложилось не само собой. — Это весьма важный момент, и на нем, думаю, стоит остано-

ской. По природе своей он был демократом, особую симпатию испытывал к тем, кто не приемлет рабства, унижений, кто уважает свои и чужие права. Он любил жизнь, а больше всего — свободную жизнь, несовместимую с деспотией и тиранией. Он был очень гармоничной личностью, жившей по тем же принципам, которые проповедовал в своих книгах. Все двусмысленное, лживое, бесчестное было ему глубоко чуждо.

Не забывайте: за 18 лет до приезда в Россию, в 1840 году, он написал «Учитель фехтования». Прекрасный роман о декабристах, проникнутый горячей симпатией к дворянским революционерам. Он, француз, написал роман об этой ярчайшей странице русской истории раньше, чем русские писатели. Книга была запрещена в России и вышла впервые на русском языке лишь в 1925 году. Поэтому все официальные пути сюда Дюма были заказаны.

— Тем не менее он приехал. Не инкогнито ведь.

— Он приехал, как сейчас бы сказали, по частному приглашению. Тут надо заметить, что в жизни и творчестве писателя много неизученного, нежданного. Так, он блестяще владел гипнозом, описал многие тонкости этого явления. Был знаком с большинством современных ему экстрасенсов: одними восхищался, других высмеивал. Так вот в Россию он отправился на свадьбу своего знакомого, знаменитого спирита — Дэвида — Дугласа Юма, между прочим, того само-

Поэтому власти решили: пусть едет куда пожелает. Под неулыбчивым наблюдением.

— После этого я уже не спрашиваю, устроил ли император официальный прием в честь высокогостя. Но интересно, какова была реакция на его приезд прогрессивной российской интеллигенции, лучших ее представителей? Перед ними-то Дюма не провинился, прославив героев 25 декабря 1825 года.

— Вопрос не так прост, как кажется. И ответить на него однозначно просто нельзя. Я бы очень хотел сегодня, находясь в почтительном отдалении от тех событий, сказать, что все наиболее выдающиеся представители русской интеллигенции, духовные пастыри народа, находись «лицом к лицу» с Дюма, в значении для него самого народа, которому они верой и правдой служили. А этот народ, да и многие из числа российской знати восторженно принимали автора книг о благородных и сильных людях. Но именно такой прием вызывал раздражение и беспокойство даже у таких людей, как Достоевский.

— Возможно, в той обстановке, с которой относились к визиту в Россию некоторые крупные отечественные писатели и публицисты, сказывалось, что Дюма представлял совсем иную литературную традицию: он же писал так легко, так быстро и так много, как ни один наш литератор, если тот не чужд психоанализа, если углубляется в социально-экономиче-

ского и политические проблемы... — Писал Дюма действительно потрясающе быстро и легко. Еще в марте 1848 года, кандидатом в депутаты Национального собрания, он представил отчет о своей предшествующей деятельности. В частности, сообщил, что написал 400 томов прозы и 35 пьес, что проза принесла ему доход в 11853600 франков, а пьесы дали 6360000 франков. После 1848 года Дюма прожил еще 22 года, написал множество новых произведений. Сколько всего? По моим подсчетам, повторю, минимум 456 произведений. Однако и эта цифра представляется далеко не полной. Если же собрать воедино всех его героев, то получится население довольно прилич-